

Е. БОБИНСКАЯ*

Ленин в Варшавском красном полку**

Лето 1918 года изобиловало грозами. Черные тучи собирались над всей молодой Республикой Советов... не только на небе. Восставшие эшелоны чехословацких военнопленных, превосходно вооруженные на деньги «союзников», стояли у Волги. Армии белых генералов угрожали отрезать Украину и Крым. Все чаще случалось, что в Москве не выдавали хлеба...

Это были времена большой любви и большой ненависти. Иначе я не могу назвать ту раскаленную атмосферу, в которой мы жили. Победоносная революция воспламенила сердца. Сознание, что мы создаем новый, ранее неизвестный строй (а думали тогда только о революции в мировом масштабе), окрыляло нас. Не было малых дел. Все, что касалось революции, становилось великим. Самым важным. Мир с поражающей ясностью распался на союзников и врагов.

Именно в такой своеобразной обстановке формировался революционный красный Варшавский полк.

Бобинский, комиссар этого полка, окунулся в работу с приущей ему страстью...

Некоторые отряды Варшавского полка уже отличились в борьбе с левыми эсерами во время восстания их в Ярославле. В конце июля у нас говорили, что со дня на день Варшавский полк вступит в бой с бандами «зеленых». 2 августа в Коммерческом институте,

* *Елена Федоровна Бобинская (1887–1968)* — польская пролетарская писательница, переводчица, революционерка, жена видного деятеля Компартии Польши — Станислава Бобинского. Некоторое время жила в СССР. Переводчик произведений русской классической и советской литературы на польский язык.

** Воспоминания печатаются по изд.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М.: Политиздат, 1966.

в Замоскворечье, должен был состояться прощальный митинг. Митинг назначили на 11 часов.

...Когда мы сели в стоящий под дождем экипаж и мокрые сивки побежали резвой рысью, Бобинский шепнул мне, что на митинге будет Ленин. Теперь я поняла причину его возбуждения. Я знала, что увидеть Ленина горячо желали все товарищи поляки. В то время Ленину не разрешали делать частые выезды. Боялись за него.

— Я заверил, что ручаюсь за безопасность. Мархлевский меня поддержал. Это большая победа. Но уже поздно, — снова заволновался он.

Свернули на улицу, ведущую к институту.

— Почему здесь так пусто? — удивился Мархлевский. — Дождь уже прошел, а улицу как метлой вымело.

Потом на каждом шагу мы встречали группы улан. Когда проезжали мимо них, Бобинский высунулся из экипажа:

— Ну, как там? Все в порядке?

— В порядке, товарищ комиссар! — весело ответил молодой солдат. — Можете на нас положиться. Ни одного человека не пропустим!

— Как так, — забеспокоился Бобинский, — должны же быть делегации с заводов?

— Делегации со знаменами мы пропустили, но в одиночку никто не пройдет, товарищ комиссар!

— Мы роздали приглашения, а вы людей не пропускаете? — набросился на него Бобинский.

Но улан не смугился.

— Всякая контрреволюционная сволочь сумеет себе бумажку выписать (Мархлевский засмеялся), а мы здесь отвечаем за жизнь.

Бобинский прервал его:

— Проехал уже?

— Проехал! Только что... — зарделся улан.

— Снимите посты! Езжайте в институт.

— Есть, товарищ комиссар!

Лошади рванули с места. До нас еще долетел веселый, молодой голос:

— Ребята! Снимайте посты!

— Как вам это нравится! — злился Бобинский. — «Всякая контрреволюционная сволочь сумеет выписать себе такую бумажку», — и неожиданно рассмеялся: — И что я должен теперь делать с этими хлопцами?

— Это результаты нашей пропаганды, — весело шутил Мархлевский. — Хотим, чтобы солдат-революционер думал, вот он и думает. Раз он отвечает за жизнь Ленина, то что ему какие-то там бумажки?

* * *

Ленина мы застали в кабинете, рядом с большим залом. Он только что приехал и разговаривал с окружившей его группой товарищей. Мы присоединились к ним. Когда Ленин снимал пальто, Мархлевский воспользовался моментом, чтобы что-то сказать ему. Ленин громко рассмеялся. Бобинский подозрительно посмотрел в их сторону.

* * *

Огромный зал был заполнен до отказа. Появление Ленина было встречено бурей аплодисментов. Оркестр заиграл «Интернационал». Знамена переливались пурпуром и золотом. От дверей до сцены уланы образовали шпалеры. Едва Ленин сделал первый шаг, как блеснули сабли, скрещиваясь над его головой. Ленин вздрогнул, мельком посмотрел вверх и спокойно пошел дальше. Дойдя до сцены, повернулся и сказал с шутливым упреком:

— Эх, товарищи поляки, без эффекта никак не можете...

Провел ладонью по голове и посмотрел на лица смеющимся глазами.

— Хоть бы предупредили! А то, ей-богу, испугался!

Улыбка пробежала по сотням молодых лиц. Восхищение, удивление, радость вылились в стихийный возглас:

— Да здравствует Ленин!

Он поднялся на трибуну и начал говорить*.

Слова Ленина били метко, как снаряды. Он сказал: мы знаем, что война подходит к концу. Но им, империалистам, не удастся закончить войну. Войну закончат рабочие массы, которые уже достаточно пролили крови. Хищный империализм окружает нас все более плотным кольцом. Хочет нас задушить. Но мы знаем, у нас есть надежные союзники: рабочие массы всего мира. Мы должны теперь напрячь все силы: или власть кулаков, капиталистов и царя, или власть пролетариата. От нас зависит победа, товарищи!

В огромном, переполненном зале никто уже не сомневался в этой победе.

* * *

Бобинский вернулся поздно вечером, охрипший от разговоров и взволнованный проводами Варшавского полка.

— Если бы ты знала, — сказал он, — как меня благодарили хлопцы за эту встречу с Лениным!

* В. И. Ленин выступил в Варшавском революционном полку 2 августа 1918 г.